

УДК 327

DOI: 10.31857/S268667300012647-1

КНР – США: некоторые особенности и аспекты нарастающего конфликта

С.М. Труш

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7275-001X> e-mail: zebra758@gmail.com

Статья поступила 9.09.2020.

Резюме: Обострение конфликта с США, хотя и было для китайских стратегов тактически неожиданным, в стратегическом плане не застало их врасплох. Выступить в качестве альтернативного США глобализационного ядра Китай ещё не готов. Научно-технологический инновационный потенциал, уровень фундаментальной и прикладной науки в прорывных направлениях, способность к коммуникационной адаптации к свободному движению капиталов, технологий и рабочей силы у Китая пока ниже американского.

В вопросе о поддержке США в конфликте с Китаем, у европейцев есть разные мотивации, но в целом страны ЕС не готовы выступать полностью солидарно с США. Важно то, что ЕС, в отличие от США, не рассматривает Китай в качестве военной угрозы непосредственно для себя.

Активная роль Индии в Индо-Тихоокеанской инициативе США также маловероятна. Индия испытывает серьёзные ограничения в своей растущей экономической и политической активности в Евразии, будучи стратегически отсечённой от нужных ей геополитических пространств на севере (Тибет), западе (Пакистан и флот США), и на востоке (Китай в Южно-Китайском море).

Ряд обстоятельств способны в будущем мотивировать Китай к участию в многосторонних режимах контроля над вооружениями с участием США и России. Распространение новых типов неядерных вооружений, в частности гиперзвуковых, высокоточных систем, космического и кибернетического оружия ставит в повестку дня режим их контроля. Чем раньше Китай подключится к этим режимам, тем это будет безопаснее и продуктивнее для его стратегических интересов.

Ключевые слова: отношения КНР – США, договор РСМД, контроль над вооружениями, глобальные цепочки стоимости, независимость Тайваня, ориентированная на экспорт модель развития, информационное общество

Для цитирования: Труш С.М. КНР – США: некоторые особенности и аспекты нарастающего конфликта. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2020; 50(12): 45-61. DOI: 10.31857/S268667300012647-1

China – US: Characteristics and Aspects of the Escalating Conflict

Sergei M. Trough

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKРАН)

2/3 Khleby per., Moscow, 121069, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7275-001X> e-mail: zebra758@gmail.com

Received: 9.09.2020.

Abstract: Sharp escalation of conflict with the US took China leaders by surprise tactically, but not strategically. China is not ready to substitute the US as the alternative nucleus of globalization. China's innovative scientific potential, its level of fundamental and applied research in critical spheres, China's capacity to adopt itself to the free flow of capital, technology and labor is inferior to the American level.

European Union is ambivalent towards the US attempts to obtain support against China. The EU do not see China as the same threat to its security as the Americans.

India's active role in the US anti-China concept of Indo – Pacific is unlikely too. India's growing economic and political profile in Eurasia is seriously constrained geopolitically. India's outreach to the North is blocked by China's Tibet, to the West by Pakistan and the US fleet in Western Pacific, to the East by China's domination in the South China sea. There are several factors arguing for China to join the multilateral strategic arms control regimes together with the US and Russia. Arms control regime is standing on the verge of a new phase. New types on lethal nonnuclear weapons such as supersonic delivery systems, high precision weapons, space and cyber weapons are waiting to be put under control. China's interest is to join the US and Russia in possible dialogue and control regimes for such new weapon systems the sooner the better.

Keywords: China – US relations, arms control regimes, INF treaty, Taiwan independence, export-oriented economy, model of development, information society.

For citation: Trough S.M. China – US: characteristics and aspects of the escalating conflict. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2020; 50(12):45-61.

DOI: 10.31857/S268667300012647-1

ВВЕДЕНИЕ

Китайско-американский конфликт разрастается. Речь уже дошла до демонстрации организационной инфраструктуры межгосударственных отношений – сокращения консульской сети. Создаётся впечатление, что иницилирующая обострение администрация Трампа, не будучи уверена во втором сроке, стремиться сделать всё, что в её силах, чтобы придать конфликту необратимый характер – закрепить его законодательно, идеологически, институционально.

Очень сильны признаки того, что разрастающийся конфликт приобретает в американском, да и китайском обществе самое глубокое – и самое опасное – цивилизационное измерение. Накачиваемая ненависть в США ко всему китайскому – хотя и пока «красно-китайскому» – поражает своими масштабами. Голливудский видеоряд, хиты продаж «китаеведной» книжной попсы, бытовые настроения как на улице, так и в университетах начинают напоминать – причём уже не отдалённо – худшие образчики нацистской или советской пропаганды предвоенного времени. Китайская сторона, находящаяся в обороне, ведёт себя сдержаннее, но общий идеологический градус противостояния повышается и в КНР.

Мировое развитие, история международных отношений не раз показывали зарождение, вызревание и манифестацию – очень часто взрывную и трагиче-

скую – конфликтов такого рода. В известном смысле эта история из таких конфликтов и состоит. Только XX век даёт исчерпывающие иллюстрации этого.

В какой степени нынешний конфликт между пока самой мощной и пока самой динамичной державами мира необратим, перешёл «точку невозврата»? В какой степени ему – а вместе с тем и всему человечеству – уготована трагическая или смертоносная развязка? Какими особенностями, чертами, характеристиками этот конфликт обладает? Как на него влияет и как его определяет современная международная среда, политическая «экосистема», в которой он существует?

МОЖНО ЛИ «ВЫЙТИ ИЗ РЕКИ»?

Необратимость китайско-американского конфликта, переход его в ту или иную форму горячего противостояния – вопрос чисто политологический, то есть спекулятивный, зависящий от точки зрения и идеологических установок субъекта наблюдения, его ценностной парадигмы.

Наша точка зрения заключается в том, что коль скоро в основе этого конфликта лежат в первую очередь мотивы глобального соперничества и конкуренции, стремления к доминирующему положению в международной системе – этот конфликт, как и все конфликты за лидерство, носят необратимый, долговременный характер. Стратегически непринципиально будет ли в Белом доме к концу года демократ «умиротворитель» Байден или республиканец «смутьян» Трамп. Конфликты такого рода прекращаются или переходят в менее острую фазу, когда стороны достигают определённого равновесного состояния в международной системе, когда одна из сторон либо временно смирилась, либо ни одна из них не претендует – или не имеет ресурсов – на то, чтобы сломать существующий статус-кво.

По мнению американской стороны, именно Китай в данный момент является активным актором против существующего статус-кво – в геополитическом, военном, экономическом и технологическом измерении, а задача Америки заключается в том, чтобы этот статус-кво отстоять.

В политическом классе Америки существуют разные точки зрения на то, что и как в этом существующем статус-кво необходимо отстаивать. Часть этого правящего класса, персонифицированного администрацией Трампа, считает, что нужно отстаивать в первую очередь «ядро» американской экономики и экономического уклада – способность США производить конкурентоспособные товары и технологии на своей территории, организовав её взаимодействие с рынками и инвесторами таким образом, чтобы это стимулировало в первую очередь самого американского производителя и его производственные площадки. Другая часть американского правящего класса считает, что основой доминирующего положения Америки является международное разделение труда и глобализация и задача сохранения американского доминирования в этом разделении заключаются не в сломе и отрицании этого процесса, но в его переналадке и адаптировании (*fine tuning*), коррекции «цены», условий и процедур участия Китая в глобализации.

Именно некорректное ценообразование и процедуры в ходе глобализационного взаимодействия с Китаем привели к тому, что последний в ходе глобализационного разделения труда с Америкой оказался в максимальном выигрыше.

В Китае, несмотря на более гомогенную структуру интересов, тоже есть разное понимание своих внутренних задач и сообразно этому роли Америки в их реализации. Одна часть бизнеса и государственной бюрократии – а в Китае границы между ними с точки зрения внешнеполитической мотивации трудно делимы, – достаточно крепко стоящая на ногах, считает, что Китай созрел для решительного поворота внутрь, к решительному акценту на внутреннее потребление, к формированию зрелого «среднего класса» со всем комплексом политических и социальных гарантий, и роль Америки, препятствующей такой самодостаточности и модели развития является пагубной и конфликтной. Другой сегмент китайского общества и бюрократии, завязанный в первую очередь на экспортное производство, не рассматривают ориентированную на экспорт модель развития страны полностью исчерпанной, не считают Китай пока полностью готовым заместить Америку в роли локомотива и центра глобализации.

В силу этого, по мнению этих сил в КНР, с Америкой пока нужно договариваться и идти на уступки там, где это возможно. Объединяющим для этих двух тенденций в китайском правящем классе стало общее понимание «красной черты», за которую нельзя заходить в торге с американцами. Этой красной чертой является сохранение принципиальных основ китайской модели развития – доминирующей роли государства, госсобственности и единой идеологии, коллективистски ориентированной социальной этики. По имеющейся информации именно этот китайский критерий стал причиной ломаной и возвратной траектории переговорного процесса Китая и США по торговым переговорам в 2018–2020 гг. Тогда, в апреле – мае 2018 г., уже достигнутое в Вашингтоне соглашение было отвергнуто консервативной частью китайского истеблишмента именно потому, что оно переходило эту «красную черту», ставило под угрозу сакральные принципы и установки китайской экономической модели.

На наш взгляд, выступать в качестве альтернативного США глобализационного ядра Китай ещё не готов. Китайская экономика, при том, что по формальным количественным показателям ВВП и настигает американскую, по качественным показателям далеко не равнозначна ей. Научно-технологический инновационный потенциал, уровень фундаментальной и прикладной науки в прорывных направлениях, способность к коммуникационной адаптации – к свободному движению капиталов, технологий и рабочей силы – у Китая пока ниже американского.

Китай не готов пока так же, как США, капитализировать свои экономические ресурсы, структуру и отрасли экономики в мировое разделение труда, создавать цепочки стоимости, доминируя в них столь широко и повсеместно, как это делали американцы. В частности, КНР, как показывает практика, не готова пока к формированию «преференциальных» торговых соглашений по типу несостоявшегося Транстихоокеанского партнёрства – обязательств по выстраиванию, а главное – по поддержанию правил игры в мировой экономике, в том числе и в области охраны интеллектуальных прав, прозрачности финансирования,

равных условий для частного и государственного секторов (в частности, равного доступа частного сектора к госзакупкам), гарантий и стандартов трудового законодательства. Этого пока Китай «потянуть» не может.

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ

Нынешнее состояние отношений Китая с США очень часто сравнивают с периодом противостояния США и СССР, с периодом холодной войны. Такое сравнение во многом оправдано. Как и прежде, Китай и США представляют собой выдающиеся по параметрам и потенциалу государства, на порядки превосходящие другие акторы международной системы по экономике, военной и совокупной мощи. Обе страны, как и в случае с СССР и США, являются приверженцами различных идеологий и политических ценностей, им присущ принципиально различающийся исторический опыт. Обе страны, находящиеся в разных точках земного шара имеют чётко артикулированные геополитические интересы, во многом полярные друг другу.

Наряду с этой очевидной схожестью китайско-американский конфликт в отличие от советско-американской конфронтации имеет принципиальные различия. Эти различия во многом определяют течение этого конфликта, того, в каких формах и в каких сферах он проходит.

Нынешний китайско-американский конфликт отличается тем, что он протекает в условиях иного, глобализированного мирового пространства, в условиях несравненно большей взаимозависимости двух стран и экономик, в условиях международного разделения труда, подвижности людей, капиталов, информации и технологий в глобальном экономическом хозяйстве. США и СССР были закрытыми, малопроницаемыми и мало общающимися акторами политики и экономики друг для друга. Товарооборот США и СССР составлял смехотворно мизерные, незначимые объёмы друг для друга, какое-либо экономическое взаимодействие этих стран практически отсутствовало. В отличие от них, Китай и США имели 660-миллиардный товарооборот (в пиковый 2018 год), Китай владел критически значимой (до 1,7 трлн) долей американского внешнего долга, крупнейшие американские корпорации в рамках глобальных цепочек стоимости с Китаем генерировали до 500 млрд долларов. Такая взаимозависимость, хотя и не является непреодолимой и «непотопляемой», тем не менее формирует структуру интересов обеих стран принципиально отличную от структуры интересов США и России в годы холодной войны. В рамках этой структуры Китай и Америка до недавнего времени разговаривали друг с другом не языком идеологической полемики и гонки вооружений, а языком торговли, инвестиций и норм прибыли в ценовых цепочках. Текущий нарастающий конфликт между двумя глобальными гигантами мировой экономики – центральная тема и центральный риск её будущего развития.

Другое отличие китайско-американского противостояния заключается в ином качестве информационной среды современного мира. Нынешний кон-

фликт, проходящий в условиях развитого информационного общества – общества с проницаемостью информационных границ, доступности искомым данным, возможности общаться и взаимодействовать с социумом конфликтующей стороны через голову его правительства, принципиально изменяет и усложняет формы и инструментарий идеологического противоборства. Борьба за умы китайского и американского обывателя и гражданина, борьба взаимоисключающих идеологий, систем ценностей и социальных этик, оставаясь главным полем противоборства, наряду с военным, технологическим и иным противостоянием, ведётся в большей степени индивидуализировано, адресно и социально дискретно. Это неизбежно в условиях растущей социальной дифференциации как американского, так и модернизирующегося китайского социумов. Новая информационная реальность, в которой манифестируется американо-китайский конфликт порождает как минимум два следствия.

Во-первых, важнейшее, если не центральное значение, придаётся главной сфере медийной борьбы – киберпространству и его инфраструктуре. Не случайно нарастание противоречий и противоборства именно в этой сфере, ещё при прежней американской администрации стало прологом перехода конфликта в полномасштабное противостояние по всем остальным направлениям после прихода Д. Трампа в Белый дом. Острые претензии к высокотехнологическим кампаниям типа «Хуавей» (*Huawei*) и популярным программным продуктам и приложениям типа «Тикток» (*TikTok*), «Вичат» (*WeChat*) и другие связаны не только с подозрениями в шпионаже, но и с теми софтовыми возможностями накопления и манипулирования информацией, которые предоставляет доминирование в киберпространстве.

Во вторых, особенностью развития китайско-американского конфликта в новой информационной реальности, следствием усложнения борьбы за индивидуальные умы, является, с одной стороны, расширение диапазона идеологием, предлагаемых как внешней, так и внутренней аудитории, с другой – внутренняя эластичность, размытость, многозначность ключевых установок, в конечном счёте ориентированных на мобилизацию общества вокруг той или иной столицы. Особенно это характерно для китайской стороны, для которой вопрос поддержания социальной стабильности и соответствующего уровня индоктринации до сих пор сохраняет высокую приоритетность. С приходом Си Цзиньпина в 2013 г. китайский идеологический центр выдвинул ряд политико-идеологических концептов: «китайская мечта», «один пояс – один путь», «сообщество единой судьбы», «дискурсивная сила КНР», которые, несмотря на их внешнюю аморфность, а может быть и благодаря ей, в итоге работали на консолидацию модернизирующегося общества с обозначенной уже множественностью социальных интересов. Особенно показателен в этой связи китайский концепт «дискурсивной силы КНР» – наиболее релевантное к конфликту с США «детище» китайской идеологической машины. Российские наблюдатели фиксируют как очевидные параллели этого концепта с «мягкой силой» Дж. Ная, так и его характерные особенности. Из последних – его сфокусированность не в меньшей степени на внутреннюю китайскую аудиторию. Как отмечает в этой связи российский политолог

И. Денисов, концепция усиления дискурсивной силы не преследует цели объяснить миру китайские намерения. По мнению политолога, это скорее внутренняя инструкция внешнеполитическому аппарату, чем установки, ориентированные на зарубежную аудиторию [Денисов И.Е., 2017].

Ещё одно важное отличие современного китайско-американского противостояния от прежних изданий холодной войны - его внеблоковый характер. Китай, как известно, не имеет прямых военно-политических союзников. Дистанцирование от каких-либо военных союзов долгое время являлось основополагающим принципом внешней политики КНР в постмаоистский период. Несмотря на присутствие США в НАТО, этот блок на данный момент нельзя рассматривать как коллективного и равноценного США участника конфликта с Китаем.

В позиции европейских стран в отношении КНР, как и в самих внутриатлантических отношениях с приходом Д. Трампа остаётся много открытых вопросов. Доктринальные документы НАТО не фиксируют Китай в качестве главной угрозы блоку с той мерой определённости, как это делают доктринальные документы США.

Говоря о стремлении США втянуть европейские страны в критику Китая, следует выделить факторы, работающие «за» и «против» этого. С одной стороны, страны ЕС продолжают находиться под военно-стратегическим зонтом США и к отходу от американского покровительства в обороне они пока не готовы. Политическое единство в странах ЕС ослабевает. США сохраняют лидерство в технологических разработках военного назначения и накачивают свой военный бюджет, чтобы поддерживать это лидирующее положение, в то время как ЕС не хватает достаточных средств и политической воли на эти цели. Крупные европейские компании демонстрируют серьёзный уровень взаимозависимости с американскими транснациональными корпорациями в научных разработках и инвестировании. Европа опасается роста российского присутствия в мире и российских программ перевооружения. В силу вышеназванных причин страны ЕС не могут полностью игнорировать давление Д. Трампа для того, чтобы выступать совместно против Китая. С другой стороны, страны ЕС не готовы выступать полностью солидарно с США в отношении КНР. ЕС не рассматривает Китай в качестве военной угрозы непосредственно для себя, военно-стратегический рост Китая в мире пока не сильно сказывается на интересах европейской безопасности. Европа заинтересована в торговле с Китаем, в китайских инвестициях и китайском рынке, хотя, как и США, имеет претензии к условиям торговли с КНР и доступа на рынки. Европейские компании – участницы цепочек стоимости и совместных производств в Китае не заинтересованы и не готовы к тому, чтобы полностью исключать китайские компании из бизнес-партнёрства. Цивилизационный компонент китайско-американских противоречий (противодействие любым действиям Китая по национальному признаку) для Европы не типичен. В силу этого Германия, Франция, Великобритания наиболее вероятно будут стремиться занимать гибкую, конъюнктурную позицию в отношении Китая, не накладывая на торговлю с Китаем каких-либо существенных ограничений и не открывая серьёзной идеологи-

ческой полемики с Китаем в риторике холодной войны. Вместе с тем Европа будет склонна к определённой поддержке США в обвинениях Пекина в «замалчивании» информации о COVID-19, поддерживать риторику США по «правам человека», по Гонконгу, Тайваню и обвинения в росте китайской экспансии в АТР.

Поиск потенциальных, если не прямых союзников, то партнёров в противодействии Китаю привёл США к выдвижению Индо-Тихоокеанского стратегического концепта. Главная мысль этой инициативы заключается в максимизации сотрудничества самых тесных и значимых военных партнёров США в регионе со стойкими антикитайскими мотивациями – Австралии и Японии, с одной стороны, а с другой – в подключении туда Индии в качестве «неофита» антикитайского блокирования. Индия – традиционный соперник Китая в регионе является в настоящий момент не только главным китайским конкурентом за экономическое соперничество в Азии, но и вполне реалистичным претендентом на третью позицию в мировой экономике.

Дели, с одной стороны, весьма гармонично вписывалось бы в формируемую антикитайскую военно-политическую конструкцию под эгидой США. С другой стороны, активная роль Индии в Индо-Тихоокеанской инициативе в гармонии с американскими интересами представляется проблематичной. Несмотря на то что гарантия свободного судоходства в Индийском океане является естественным интересом Индии, и эта задача достигается за счёт присоединения к американскому Индо-Тихоокеанскому концепту, этот концепт не решает всех остальных стратегических интересов Индии. Индия испытывает серьёзные ограничения в своей растущей экономической и политической активности в Евразии, будучи стратегически отсечённой и изолированной от нужных ей геополитических пространств и партнёров практически по всем азимутам. На севере такими препятствиями для её интересов является Тибет, находящийся в составе КНР. На западе преградой для Индии является имманентно враждебный Пакистан. К тому же западная часть Тихого океана прочно находится под контролем военного флота США. Что же касается восточного азимута для Индии – там Южно-Китайское море постепенно переходит под контроль Китая, становясь, по сути, внутренней китайской акваторией. Последнее особенно критично для внешнеэкономической стратегии Индии. Начиная с 1991 года, после старта индийской программы реформ и открытости, доля экспорта и торговли в индийском ВВП выросли с 15% до 49,3% (2014). Характерно при этом, что если ранее основной поток индийского экспорта шёл на запад от Индийского субконтинента, то сейчас он идёт преимущественно на восток, через контролируемые Китаем акватории [3]. Иными словами, Индия вряд ли будет в состоянии решить проблему своей геополитической изолированности за счёт участия в Индо-Тихоокеанской инициативе США.

КИТАЙСКИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РЕФЛЕКСИИ

Политологи и эксперты достаточно внимательно анализировали в последнее время то, как конфликт с Китаем звучит и эволюционирует в рамках предвыборной кампании США. Гораздо меньше известно – в силу недоступности ин-

формации и закрытости политической системы КНР – известно о настроениях на китайском «фланге» конфликта. Говоря о том, как конфликт с США сказывается на китайском развитии, наблюдатели в основном сосредотачиваются на экономических аспектах проблемы [Новоселова Л., 2020; Салицкий А.И., Семёнова Н.К., 2019] Не меньшее значение – хотя по этим сюжетам мало прямых данных – имеет аспект военно-политический.

Под последним мы имеем в виду прежде всего влияние действий США, на китайский «образ мира», оценку глобальной военно-политической обстановки, расклад мировых сил, оценку перспектив военной конкуренции с США, вероятность военной эскалации конфликта, необходимые превентивные и ответные меры со стороны КНР, оценку собственных ресурсов и возможностей в двусторонней конфронтации. Не обладая возможностью предметно и подробно коснуться каждого из данных аспектов, хотелось бы здесь ограничиться лишь некоторыми из них.

Представляется, что обострение конфликта с США до столь тревожной степени, хотя и было для китайских стратегов тактически неожиданным, в стратегическом плане вряд ли застало их врасплох. По меньшей мере на протяжении двух последних десятилетий китайская военная стратегия развивалась и строилась с пониманием США в качестве главного военного соперника и потенциального врага на поле боя. Это обстоятельство не фиксировалось в доктринальных военных и политических документах КНР, по крайней мере, в их открытой части, но по сути оно подразумевалось и осуществлялось на практике. Из такого понимания США вытекала вся логика военного строительства Китая: объём военных расходов, конкретные военные программы и приоритеты развития конкретных видов вооружений, представления о характере будущей войны, так или иначе проговариваемое и обсуждаемое сопоставление собственных и американских военных возможностей в контексте этого представления, региональные расклады соотношения сил, конкретные технологические задачи по совершенствованию того или иного типа вооружений [4; Гончаров С.Н., 2013: 28, 57-58, 139, 160]. Вряд ли для китайских стратегов и политиков стало большим откровением, громко прозвучавшие констатации «Стратегии национальной безопасности США» и других доктринальных документов администрации Д. Трампа по военной стратегии, в которой Китай наряду с Россией были квалифицированы в качестве главных стратегических противников США (*strategic competitors*), причём Китай недвусмысленно ставился на первое место. [Гончаров С.Н., 2013: 1-2, Новоселова Л., 2020; 7: 1-2; 8: 2, 8, 21, 25].

Автору этих строк трудно сказать, как эскалация торговой войны с США и общее обострение по всему спектру отношений в 2019–2020 гг., сказались на интенсификации, пересмотре приоритетов и корректировке графиков конкретных военных программ КНР, хотя наиболее вероятно это имело место.

С не меньшей вероятностью можно предполагать, что военные стратеги Китая сделали корректирующие переоценки в ряде других чувствительных вопросов китайской военной стратегии.

Прежде всего была сделана переоценка в сторону большей желательности и значимости стратегической связки с Россией. Если ранее такая связка, при всей её значимости, по мнению китайской стороны, не должна была выходить на конкретные обязательства по взаимной обороне и гарантиям безопасности против третьей стороны, то сейчас в Китае, как представляется, уже пришли к необходимости идти на такие обязательства. Важным показателем российско-китайского военного сближения стало придание гласности в октябре 2019 г. тому факту, что Россия оказывает практическую и консультативную помощь Китаю в создании национальной системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) [8]. Российские и зарубежные наблюдатели расценили это как элемент – начальный либо ограниченный – военного союза. Более того, в этой связи раздавались мнения, что Россия и Китай де-факто уже вступили в союзнические отношения, либо что их отношения уже можно назвать «функциональным военным альянсом» [Труш С.М., 2020: 7].

Другим выводом военно-политического характера, видимо сделанным в Китае по мере нынешней эскалации отношений с США, стал вывод о возросшей вероятности прямого военного столкновения с США в давней и весьма острой и «системной» проблеме отношений – в конфликте вокруг Тайваня.

С первых дней в Белом доме администрация Д. Трампа повела себя очень остро по тайваньскому вопросу. В ноябре 2016 г., ещё до инаугурации, приняв поздравительный телефонный звонок президента Тайваня Цай Инь-вэнь, Д. Трамп, в присутствии ему размашистым стиле бизнесмена, с места в карьер поставил под сомнение основополагающий принцип прежнего консенсуса в китайско-американских отношениях – принцип «одного Китая». На протяжении переговоров по торговой сделке с КНР, развивавшихся с конца 2017 г. по траектории «американских горок», администрация Д. Трампа, откровенно конъюнктурно манипулировала этой чувствительной для Китая темой в интересах заключения «главной сделки». После того как Д. Трамп перевёл отношения с Китаем в полный штопор в первой половине 2020 г. и обвинил Пекин в мировом распространении COVID-19, тайваньская карта для Белого дома вновь стала одной из важных козырей.

Действия администрации Д. Трампа в 2020 г. свидетельствовали о прямом отходе администрации от принципов «трёх коммюнике» (1972, 1978 и 1982 гг.) зафиксировавших китайско-американский компромисс по Тайваню.

В августе 2020 г. Белый дом санкционировал сделку по продаже Тайваню 66 истребителей *F-16V* – современной модификации истребителей *F-16*, ставших основным компонентом ударной мощи ВВС Тайваня. Это сделка, общей суммой свыше 90 млрд долл., стала самой крупной по объёму сделкой после нормализации отношений с КНР в 1978 г. [9]. Она по сути нарушала положения китайско-американского коммюнике 1982 г., согласно которому Вашингтон обязался постепенно ограничивать объём военных поставок Тайваню, вплоть до их полного прекращения (при этом США в 1982 г. отказались установить какой-либо конкретный «дедлайн» такого прекращения).

Другим нарушением прежде достигнутых договорённостей и принципа «одного Китая», явилось возобновление официальных контактов по линии Вашингтон – Тайбей. В июле 2020 г. остров официально посетил член кабинета министров США министр здравоохранения и социальных служб США Алекс Азар. Он стал самым высокопоставленным официальным лицом США, посетившим Тайвань за 41 год после разрыва официальных отношений. В сентябре 2020 г. состоялся знаковый визит такого рода. Тайвань посетил заместитель госсекретаря США К. Крэтч для участия в траурных церемониях по случаю кончины бывшего президента Тайваня Ли Дэнь-хуэя.

Ещё одним сюжетом военно-политического плана, в котором Китай, несомненно, ощутил обострение американо-китайских отношений, явился вопрос о контроле ядерных и стратегических вооружений.

Администрация Д. Трампа, увязывая свои отношения с Пекином и с Москвой, поставила своей целью оказывать давление на обе эти столицы с целью вовлечения КНР в переговоры о контроле над вооружениями. В 2018 г. администрация объявила о своём намерении выйти из Договора о ракетах средней и малой дальности с Россией (РСМД), в случае если на будущей фазе этих переговоров к ним не присоединится Китай.

Надо отдать должное, такая позиция США имела определённые сильные «демонстрационные» стороны. Во-первых, мотивация выхода страны из «связывающих» соглашений с Россией получала определённое политическое оправдание. Помимо претензий к России по поводу ракеты 9М729, испытания которой, по мнению американской стороны, нарушали условия договора, был выдвинут аргумент, который вполне объяснял логику действий США в глазах международного сообщества. Во-вторых, у США существуют резонные опасения в связи с неблагоприятной для себя динамикой развития ракетно-ядерных сил КНР за последнее десятилетие. Количественный и качественный рост ракет средней дальности КНР остро ставит вопрос доминирования США в стратегическом раскладе сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Китайские ракеты среднего радиуса, способные иметь как ядерное, так и обычное оснащение, эффективно противодействуют способности авианосного флота и авианосной авиации США угрожать континентальной территории КНР.

Наконец, в-третьих, выдвижение «связанного», двойного предложения и России, и Китаю в вопросе о Договоре о РСМД, было дипломатически выигрышным для США и в том плане, что оно фокусно «работало» на разрыв упрочившейся военно-политической связки России и Китая.

Американское предложение по ДРСМД апеллировало к определённым реальным интересам и озабоченности России относительно ракетного потенциала Китая. Ракеты средней и малой дальности КНР как класс присутствуют в арсенале КНР, в то время как в США и РФ они были уничтожены по Договору о РСМД 1987 г. Эти китайские ракеты вызывают не меньшие, а, может быть, и большие опасения у России. Это происходит уже в силу того, что они по дальности накрывают почти всю территорию РФ, в то время как достигают лишь от-

дельных периферийных территорий США (Гавайи, Аляска). Иными словами, ракеты средней дальности КНР, особенно наиболее продвинутые типы этих ракет, такие как высокоточные китайские БРСД нового поколения *DF-16* и *DF-26* с радиусом действия 1500 и 4000 км соответственно, вполне могут выступать оружием первого удара по территории РФ (несмотря на то, что доктринально Китай не декларирует и не признаёт стратегию превентивного обезоруживающего удара) [Труш С.М, 2018: 43-45].

Китайская и российская стороны, как и следовало ожидать, отрицательно отреагировали на предложение администрации Д. Трампа о переводе Договора о РСМД в трёхсторонний режим. Как заявил официальный представитель МИД КНР в июле 2019 г., «Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) является по своей природе двусторонним договором, заключённым между США и Россией, его многосторонность, затрагивающая целый ряд сложных проблем в политической, военной, правовой и иных областях, вызывает озабоченность у немалого количества стран. Китай не согласен и считает, что предложение США о вступлении в американо-российский диалог и соглашение является своего рода завуалированным "перекалыванием ответственности"» [10].

В январе 2019 г. администрация США официально уведомило о своём выходе из Договора о РСМД. В августе 2019 г. США объявили о своём намерении разместить ракеты средней дальности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. 12 декабря 2019 г США испытали неядерную баллистическую ракету наземного базирования дальностью более 500 км.

Позиция Китая по вопросам контроля над вооружениями, в том числе и по подключению к российско-американским переговорам по ДРСМД имеет свою достаточно ясную логику. По мнению Китая, уровень ракетно-ядерного потенциала КНР ещё «не дорос», до того, чтобы КНР брала на себя какие-либо ограничивающие обязательства. Условием участия КНР в подобном трёхстороннем формате было бы разоружение США и России до китайского уровня по всему спектру наступательного ракетно-ядерного потенциала своих стран, включая межконтинентальные ракеты наземного и морского базирования и стратегическую авиацию. Понятно, что это было бы заведомо неприемлемым требованием.

Вместе с тем современный этап международных отношений, нарастание мировой многофакторной турбулентности, с одной стороны, внутренняя логика китайского развития, непростой переход от экспортоориентированной модели развития к её более интравертированному варианту с большей опорой на внутреннее потребление – с другой диктуют стране и усложнение её мотивации в глобальных переговорах по контролю над вооружениями. В условиях нарастания противоречий с США многое для Китая зависит от того, какую позицию в противостоянии займут другие ключевые страны и регионы – Европа, Россия, Индия, Япония. Растущие военные возможности Китая, его технологическое восхождение, второй в мире военный бюджет уже сейчас являются крайне серьёзным фактором глобальной безопасности. В технологическом плане Китай всё больше приближается к способности создавать заделы в критически важных элементах военного потенциала, в частности, в кибероружии, в космической об-

ласти, в высокоточных и гиперзвуковых системах доставки, боезарядах малой мощности. Эти виды оружия, будучи поставлены на вооружение в КНР, способны вторгаться в традиционный баланс ракетно-ядерных средств, что означало бы асимметричный ответ на американские вызовы.

В этой связи сохраняющееся неучастие Китая в российско-американского диалоге по стратегическим вооружениям, при всей кризисности и проблемности его нынешней фазы, а также традиционная «непрозрачность» военного потенциала КНР, находящегося вне международных режимов мониторинга и контроля, вызовет настороженность тех стран, которые важны Китаю в его противостоянии с США. Понятно, что это способно в будущем двигать Китай к эволюции своего подхода к контролю над вооружениями, и там это понимают.

В статье китайского аналитика Ло Си, опубликованной на официальном информационном портале Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в конце 2019 г., было, в частности, отмечено следующее: «Китаю, придётся заключать новые соглашения о контроле над вооружениями с Москвой и Вашингтоном». Это, по мнению аналитика, мотивировано тем, что «США разместят ракеты средней дальности в западной части Тихого океана, включая Гуам, что ставит китайскую безопасность под угрозу». Чтобы «справиться с новой ситуацией», пишет Ло Си, Китаю необходимо будет подготовить «искусных переговорщиков в области контроля над вооружениями», чтобы новый договор, когда он будет заключён при участии Китая, не нарушал его национальных интересов. В настоящий момент ракеты средней дальности составляют основу ядерных сил КНР, и отказ от них не представляется возможным» [11].

Существует ряд факторов, которые также способны объективно подвигать Китай к участию в трёхсторонних или многосторонних форматах контроля над вооружениями с участием США и России. Эти факторы, как можно предполагать, уже давно и вполне предметно обсуждаются внутри китайского экспертного – политологического и военного – сообщества, но в силу особой чувствительности темы, эта информация крайне скудно и спорадически «выплывает» на поверхность [12; 13; 14; 15].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Суммируя, можно изложить эти факторы следующим образом.

Во-первых, развал механизма контроля над вооружениями между США и Россией как в области ракет средней дальности, так и по Договору СНВ-3, объективно противоречит китайским интересам. Ограничения, которые берут на себя США и Россия в случае действия соответствующих договоров, не «разгоняют» маховик гонки вооружений со стороны потенциальных военно-стратегических «оппонентов» КНР, а наоборот ставят его в контролируемые рамки. Эти рамки в конечном счёте приводят к сокращению разрыва США и РФ с китайским ракетно-ядерным потенциалом. Отказ же Китая участвовать в трёхсторонних или

многосторонних режимах контроля над вооружениями в итоге ставит под вопрос целесообразность таких режимов и сводит его на нет.

Во-вторых, развал Договора о РСМД и неучастие Китая в трёхсторонних договорённостях почти автоматически приведут к наращиванию ракет этого класса со стороны США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. США уже, по сути, запустили этот процесс, и он наверняка вызовет цепную реакцию в АТР. Размещение американских ракет приведёт к дальнейшему расширению ракетной программы КНДР, что в свою очередь вызовет ответные меры других региональных соседей КНР – в первую очередь Японии и Южной Кореи. Суммарный эффект этой эскалации может оказаться объективно ещё более опасным, а ракетно-ядерный баланс в регионе ещё менее выигрышным для ядерной стратегии КНР, чем сохранение нынешнего статуса-кво.

В-третьих, режим контроля над вооружениями между РФ и США на данном этапе стоит на пороге распространения такого контроля на новые типы неядерных вооружений, в частности, на гиперзвуковые средства доставки, высокоточное оружие, военные космические системы, кибероружие. В настоящее время трудно понять, в какой степени совершенствование этих военных систем скажется на стратегическом наступательном потенциале и США, и России, в какой степени, традиционный ракетно-ядерный баланс США, России и Китая претерпит кардинальные изменения. Так, например, китайский эксперт Тун Чжао, отмечает, что неясно в какой степени системы гиперзвукового оружия – как существующие, так и разрабатываемые в США и в РФ – усилят риски немотивированного ядерного ответа противника. В равной степени, считает эксперт, остаются открытыми вопросы: как применение искусственного интеллекта в системах ПРО и СПРН скажется на надёжности этих систем; в какой степени применение новейших боевых кибертехнологий против центров управления и контроля противника усилят риски эскалации и немотивированного ответного удара? [15: 68–72].

Осмысление этих рисков и угроз находится на начальной фазе. Чем раньше Китай подключится к совместному изучению, контролю и предупреждению этих вызовов, тем это будет безопаснее и продуктивнее для его стратегических интересов.

Таковы некоторые, значимые, на наш взгляд, особенности и аспекты китайско-американского конфликта, обострившегося в уходящем 2020 г. Они наглядно показывают, что конфликт носит широкий, всеобъемлющий характер, затрагивая практически все сферы отношений: экономику, политику, военные, дипломатические, гуманитарные аспекты. Если на первой половине срока администрации Д. Трампа в 2017–2018 гг. создавалось впечатление, что американского президента с его бизнес-подходом волнует только экономика и зашкаливающие цифры внешнеторгового дефицита США, то к концу его администрации конфронтация приобрела характер системного противостояния. Отношения с Китаем стали одной из центральных тем предвыборной кампании, темой, которую Д. Трамп использовал в своём нажиме на электорат.

Роль и значимость связей с США таковы, что они не могут не воздействовать на внутренние процессы в Китае. Ухудшение связей с Америкой станет в буду-

щем ещё более значимым фактором для эволюции китайской модели экономического роста, ослаблению или диверсификации её ориентированности на экспорт.

ИСТОЧНИКИ

1. U.S.-China Trade and Economic Relations: Overview. Congressional Research Service. Updated November 19, 2019. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/row/IF11284.pdf> (accessed 15.08.2020).
2. China's Holdings of U.S. Securities: Implications for the U.S. Economy. Congressional Research Service. August 19, 2013. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL34314.pdf> (accessed 15.08.2020).
3. Menon, Shivshahankar. 2020. India's Foreign Affairs Strategy. Brookings. Available at: <https://www.brookings.edu/research/indias-foreign-affairs-strategy/> (accessed 15.08.2020).
4. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2020. Annual Report to Congress Available at: <https://media.defense.gov/2020/Sep/01/2002488689/-1/-1/1/2020-DOD-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT-FINAL.PDF> (accessed 15.08.2020).
5. Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge. U.S. Department of Defense. 2018. Available at: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (accessed 15.08.2020).
6. Nuclear Posture Review. U.S. Department of Defense. February 2018. Available at: <https://dod.defense.gov/News/SpecialReports/2018NuclearPostureReview.aspx> (accessed 15.08.2020).
7. National Security Strategy (NSS). U.S. White House. December 2017. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf> (accessed 15.08.2020).
8. В.Путин. 2019. Выступления на неформальной встрече по окончании заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/61720> (accessed 15.08.2020).
9. US finalizes sale of 66 F-16 fighters to Taiwan as China tensions escalate. By Brad Lendon, CNN. Available at: <https://edition.cnn.com/2020/08/17/asia/taiwan-us-f-16-fighter-purchase-intl-hnk-scli/index.html> (accessed 15.08.2020).
10. Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's Regular Press Conference on July 30, 2019 Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1684560.shtml (accessed 15.08.2020).
11. Коростиков М. Запрещённые ракеты поселятся в Азии. *Коммерсантъ*. 23.10.2018 Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3778575> (accessed 15.08.2020).
12. Tong Zhao. Narrowing the U.S.-China Gap on Missile Defense: How to Help Forestall a Nuclear Arms Race. Available at:

<https://carnegietsinghua.org/2020/06/29/narrowing-u.s.-china-gap-on-missile-defense-how-to-help-forestall-nuclear-arms-race-pub-82120> (accessed 15.08.2020).

13. Tong Zhao. The United States, China, and the Future of Arms Control/ Available at: <https://carnegietsinghua.org/2020/07/08/united-states-china-and-future-of-arms-control-pub-82283> (accessed 15.08.2020).

14. Trilateral Arms Control? Perspectives from Washington, Moscow, and Beijing // Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg (IFSH) // Ulrich Kühn (editor), Alexey Arbatov, David Santoro, Tong Zhao. Available at: <https://ifsh.de/en/publications/research-report/research-report-002> (accessed 15.08.2020).

15. Трамп уже не настаивает на участии КНР в переговорах РФ и США // *The Paper*. 4.08.2020. Available at:

https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_8563811?fbclid=IwAR1AG8KK3yLOI7tFcmOb8jhC--_wpMIWBTQ5UIWpLwQHUMVycnJuurDz7No (accessed 15.08.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гончаров С.Н. 2013. Заметки о военно-техническом сотрудничестве Китая с СССР и Россией во 2й половине XX века. М.: Институт востоковедения РАН, 312 с.

Денисов И. Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2017. – Т. 10. – №. 5. с. 83-98.

Новосёлова Л. 2020. Экономика КНР в условиях торговой войны. *Мировая экономика и международные отношения*, т. 64, № 6, С. 76-84.

<https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-76-84>

Салицкий А.И., Семёнова Н.К. 2019. Торговая война США и Китая. Запад-Восток-Россия 2018. Ежегодник. отв. ред.: А.С. Прозоровский, В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН. С. 25-29.

Труш С. М. 2018. Россия – США – КНР: назад к "треугольнику"? *Международная жизнь*. No. 12. стр. 38-48.

Труш С.М. 2020. Россия – США – Китай: резоны и риски российско-китайского военного сближения. *США & Канада: экономика, политика, культура*., № 3. С. 5 -24.

REFERENCES

Denisov I.E. 2017. Vneshniaia politika Kitaia pri Si Tszin'pine: preemstvennost' i novatorstvo [Chinese Foreign Policy under Xi Jinping: continuity and innovation] (In Russ.). *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2017. No. 5. P. 83-98. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-83-98

Goncharov S.N. 2013. Zametki o voenno-tekhicheskom sotrudnichestve Kitaia s SSSR i Rossiei vo 2i polovine XX veka [Notes on military-technical cooperation between China and the USSR and Russia in the second half of the twentieth century] (In Russ.). Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 312 p.

Novoselova L. 2020. Ekonomika KNR v usloviakh trgovoi voiny [Economy of the PRC in a Trade War] (In Russ.). *World economy and international relations*, vol. 64, no. 6, pp. 76-84. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-76-84>

Salitsky A.I., Semenova N.K. 2019. Torgovaia voina SShA i Kitaia [US-China Trade War] (In Russ.). *West-East-Russia 2018. Yearbook. otv. ed. : A.S. Prozorovsky, V.G. Horos. Moscow: IMEMO RAN. P. 25-29.*

Trush S.M. 2018. Rossiia – SShA – KNR: Nazad k "treugol'niku"? [Russia - USA - PRC: Back to the "triangle"?] (In Russ.). *International life*, No. 12. pp. 38–48.

Trush S.M. 2018. Rossiia – SShA – Kitai: rezony i riski rossiisko-kitaiskogo voennogo sblizheniia [Russia-U.S.-China: motives and risks of Russian – Chinese military cohesion] (In Russ.). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No. 3. p. 5-24.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергей Михайлович ТРУШ, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3

Sergei M. TROUSH, Can. Sci. (History), Leading Researcher, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3 Khlebnny per., 121069 Moscow, Russia